

ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

или

ДРЕВНІЯ
СКАЗКИ

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,

1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

В Е Ч Е Р Ъ XXV.

Окончаніе Сказки о Доброгнѣѣ.

Остроулъ, надоумленный мудрою бѣлкою, пошелъ въ палаты съ намѣреніемъ воспользоваться ея совѣтомъ. Гдѣ вы пропадали? (сказала *Циклоида*, когда онъ вошелъ) Я находилась въ безпокойствѣ. Онъ извинился, какъ случилось; разговоръ сдѣлался общій, опужинали, и вставая изъ за стола, волшебница сдѣлала знакъ, что она желаетъ остаться на единѣ. *Остроулъ* такъ же какъ и другіе пошелъ было; она удержала его. Я отослала всѣхъ только за тѣмъ (сказала она съ ласковостію), чтобъ свободнѣе разговаривать съ вами. Онъ ошвѣстствовалъ на сію

Часть III.

А 2

бла-

благосклонность почтительнымъ поцалуемъ руки ея. Ну! (продолжала волшебница) размышляяли вы о томъ, въ чемъ имѣла я слабость вамъ открыться? — Это столько для меня лестно, сударыня, (отвѣчалъ онъ) что я не могъ ни о чемъ другомъ думать. Я очень довольна шаковымъ отвѣтомъ (сказала она), и позволяю вамъ засвидѣтельствовать ваше признаніе. Онъ осмѣлился къ сей вольности, какъ бы человекъ чувствительной, сжалъ на колѣно, и далъ волшебницѣ поцалуй довольно пламенной, чтобъ могла она увѣриться объ его страсти. Сей родъ признанія произвелъ огонь, оживившій *Остро-иловы* взоры. *Циклоида* то примѣтила и была обольщена; словомъ сказать, *Остроилъ* совершилъ сіе первое вступленіе какъ человекъ свѣтской, и такъ искусно, что волшебница не могла имѣть никакого подозрѣнія.

Надлежитъ прпустить разговоры ихъ, которые очень трудно выразить и которые можете быть не слишкомъ забавны. Волшебницы нынѣ всему свѣту не извѣстны; ихъ рѣчи, образъ любовнаго обхожденія, средство, коимъ изображали онѣ страсть свою, имѣютъ характеръ столь необыкновенной, что начертаніе оныхъ весьма походить будетъ на дымъ вообразительной силы: если бы взялся описать то общество, не взирая на свою прозорливость, подумаешь, что я задеваю подъ облака: между тѣмъ какъ бы я ни описывалъ
 кромѣ

кромѣ естественности, хотя поистиннѣ весьма странной, но справедливой. Довольно будетъ упомянуть къ объясненію сей повѣсти, что волшебница, надѣлавъ множество обязательныхъ вопросовъ *Остроилу*, и не выслушивая его стѣпковъ, позволяла ему имѣть честь препроводить ночь съ нею. По опущеніи занавѣсовъ вся пышность волшебницына исчезла, дабы оставить свободное мѣсто ея нѣжности. Непріятныя опыты, которые она уже извѣдала, дали ей разумѣть объ обстоятельствахъ, и она дѣлала чудеса. Но проклятые волосы изъ хвоста *Малушина* не потеряли своей силы! Тщательно бодрствующій *Остроилъ* старался исправиться; онъ упадаетъ изъ обморока въ обморокъ: непресборимая преграда находилась между имъ и ея желаніями; его рвеніе, терпѣніе волшебницыно, подаваемая ею помощь, были слабы противу невидимаго препятствія. Въ слѣдствіе состоялось лишь въ томъ, что оба они какъ бы нарочно заснули, и проспали до утра. Пробудясь, разстались они по отпращиванію новаго покушенія, столькожъ неудачнаго.

Во весь послѣдовавшій день *Остроилъ* старался напрягать всѣ силы своего разума, чтобы не показаться унывымъ; а *Циклонда* безпрестанно бросала на него страстные взоры, увѣряясь, что вскорѣ достигнешь мѣты своего благополучія, и обнадежившись понятіемъ о своемъ могуществѣ,

надѣлаа съ дѣйстви глупостей, которыя могли бы открыть всѣмъ ея служителямъ о ея слабостяхъ, если бы оныя съ своей стороны не гордились тѣмъ, что могутъ во всемъ подражать ей. Ночь настала, сѣли ужинать, и *Остроилъ* вѣдь почти столь же исправисъ, какъ и волшебница. Обстоятельство сіе замѣчено съ хорошей стороны; онъ получилъ привѣтствія отъ всѣхъ вышнихъ и нижнихъ чиновниковъ *Циклондиныхъ*. Въ томъ вечерѣ не было бала, всѣ разошлись, и нетерпѣливая волшебница очутилась наконецъ въ объятіяхъ *Остроиловыхъ*. Но всѣ дни и всѣ ночи совершенно походили другъ на друга въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Волшебница разсуждала, и брала прибѣжище ко всѣмъ способамъ своего искусства; ничто не помогало. *Остроилъ* безпрестанно несчастливый, съ твердымъ постоянствомъ и удивительною легкостью начиналъ танцы, кои имѣлъ онъ честь проплясывать съ волшебницею; но ступивъ два, или три шага, ноги его столько омягочались и слабѣли, что не могъ онъ шпунуться съ мѣста. Онъ возлагалъ свое несчастіе на *Циклонду*, которая, съ своей стороны бывъ увѣрена о дѣйствительности своихъ прелестей, обвиняла его единственно. Вышедъ наконецъ изъ терпѣливости къ сношенію далѣе личныхъ себѣ оскорбленій, рѣшилась удовлетворить себя, во что бы то ни

ни стало. Она изъ гордости къ своему достоинству заключила, что все можетъ учинить силою своего волшебства; въ семь наиѣреніи въ одно утро оставивъ свой замокъ, полетѣла въ гости къ *Хаусту* духу, старинному своему другу, въ остроуміи, глубокоу свѣденіи и силѣ котораго уповала она найсти какую нибудь помощь.

Хаустъ былъ духъ заслуженной, довольно пожившій въ свѣтѣ: и по тому весьма обо всемъ свѣдущій и искусившійся. Наскучивъ происками придворными, ошатавшись спранными лицами, которыя онъ играшеъ былъ принужденъ, оставилъ свѣтской шумъ, и превращаясь въ крысу, провождалъ спокойно дни свои въ самой красивѣйшей жемчужной раковинѣ. *Циклопда* для лучшаго приобрѣтенія его благосклонности, принесла ему въ рукѣ кусокъ сыру. Духъ сей, увидѣвъ ее, съ вѣжливостію приподнялъ хвостъ свой, и спрашивалъ, въ чемъ онъ можетъ быть ей полезенъ. Она рассказала ему подробно свое приключеніе, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя въ основаніи не весьма выгодны казались для ея прелестей, и о которыхъ сочла она за нужное умолчать.

Я разумѣю вашу нужду (сказалъ духъ послѣ того, какъ она говорить перестала); вы имѣете причину, происхожденіе счесть довадное. Возможно ли! столько времени!

рше неестественно, Но между тѣмъ я думаю, что не въ тому причиною — О! конечно (ошибчалъ волшебница) не отъ меня зависѣло — Охъ! я не о томъ говорю, что не отъ васъ зависѣло, сказалъ духъ. Но никогда, говорите вы; вотъ, что чудно! Я чрезмѣрно знающъ въ таковыхъ случаяхъ, и не рѣдко удавалось мнѣ помогать. Усповаю, что вы слышались довольно отъ нашихъ старыхъ волшебницъ, я бывалъ духъ щастливой. Но что вы думаете? меня не слушивались, думали безъ меня обойтись. Чпожь слѣдовало? Всегда до меня доходило. Я находился тогда подъ иманемъ духа свѣтскаго, то есть должно признаваться, что былъ гораздо другихъ смѣшнѣе. Это считалось тогда за превосходство; всѣ женщины хохотали, и всѣ молодчики двора *Обрадина* мнѣ подражали, перенимали мои пѣсенки, и не казались любви достойными, естли не старались подобишься мнѣ. Я довольно имѣлъ остроты, чтобъ не чувствовать ихъ и моихъ собственныхъ глупостей; но я разумѣлъ по крайней мѣрѣ, что благоразуміе при дворѣ состоитъ въ томъ, чтобъ только казаться благоразумнымъ, и пріобрѣтать себѣ похвалы, коимъ обыкновеніе приписываетъ пріятныя названія. Благодаря дурачеству волшебницъ моего времени, я бывалъ богатырь въ любви; мои воло-

кищ.

хитства оживлялись щегольствомъ разитель-
нымъ; я игралъ чувствительнаго лучше всѣхъ
на свѣтѣ; я бывалъ попеременно нѣжнымъ,
страстнымъ, шутивнымъ, услужливымъ, и
всегда изибивникомъ; разумъ мой со дня на
день становился пріятнѣе; но волшебницы,
весьма привязанныя къ существенности лж-
бовной, утомили меня. Я считалъ себя невоз-
вратно погибшимъ. При первомъ случаѣ при-
творился я шутивнымъ, хотя сначала и
приходилъ отъ него въ трепещъ. Выдумка
сія была весьма удачна. Заключение сбъ моей
слабости, когда я находился въ достаточ-
ной силѣ; уваженіе, которое тогда ко мнѣ
всѣ имѣли, возрасло отъ самого того сред-
ства, отъ коего бы мнѣ упасть надлежало;
шутивость моя найдена прелестною, и на-
чали мнѣ подражать. Съ того времени вошло
въ честь представлять себя изнеможеннымъ.
Въ первомъ цвѣтѣ молодости надлежало объ-
являть себя истощеннымъ; другія ухватки
считались нигуда годными. Однако я пони-
маю изъ вашихъ словъ, что съ того время-
ни, какъ удался я отъ двора, обстоя-
тельства весьма перемѣнились. Но это конче-
но возобновится; будете съ этой стороны
спокойны. —

Ваша длинная проповѣдь мало прино-
ситъ мнѣ отрады (сказала наконецъ вол-

шебчица, утомясь слушать бредни престарѣлаго духа]; я вижу, что духи, равно какъ и человеки становятся глупѣе; побочности, а особливо сего рода, дѣлають ихъ ненавистными. Но какъ вы думаете, слабость *Остроилова* не исцѣлима? Это жалко, ахъ, очень жалко! Я согласенъ (подхватилъ духъ) въ этомъ произшествіи; оное поистиннѣ должно чрезмѣрно прогашъ волшебницу. — Чтожь присовѣствуете вы мнѣ сдѣлать? (сказала *Циклонда*) я требую вашей помощи, и увѣрена, что вы можете мнѣ подать оную; нѣтъ ли какого средства? — Есть, я думаю самъ какъ бы лучше, сказалъ духъ. Вѣдь онъ молодъ? такъ ли? — Очень молодъ (отвѣчала она). Это заслуживаетъ вниманіе. Если бы дать ему побывать въ рукахъ женщины, которую онъ любитъ — Но онъ и меня любитъ страстно, подхватила *Циклонда* съ жаромъ]. Тебя? нѣтъ! [сказалъ духъ съ холодностію] — Все меня въ томъ увѣряетъ [говорила она], припомъ же я сто разъ слыхала отъ нашихъ старыхъ волшебницъ, что дѣйствіе любви... излишній жаръ. — Все это врачи [подхватилъ съ жаромъ сей чистосердечной духъ], повѣрь моему слову. По этому у тебя значить дѣйствіе любви то, что учинило слабымъ покойнаго твоего *Частохвата*? Поди ты прочь! Я лучше другихъ это знаю.

Слабая

слабая эшо, и не къ мѣсту употребляемая оговорка, и дураки, которые тому вѣрятъ. Чшо надлежитъ до воображенія нашего объ нѣжности къ вамъ *Остроиловой*, будще благонадежны, что онъ васъ сбманываетъ; или я скотъ! Я провѣщаю вамъ, что онъ больше прежняго занятъ этою маленькою Царницею Трансараранскою. . . . Не по тому, чтобъ она была васъ лучше, великая въ томъ разноша; но молодыя люди очень странны. . . . Не сомнѣвайшесь [продолжалъ онъ], ежели эта *Доброгнѣва* не возвратитъ вашего *Остроила* къ жизни; я торжественно объявляю, что онъ мертвъ навѣки. . . . Э! вотъ и часъ моего обѣда [сказалъ онъ, сдѣлавъ маленькой поклонъ]: я столько принудилъ себя для васъ: я опредѣлялъ никогда не разстроивать родъ моей жизни, и для всѣхъ волшебницъ на свѣшѣ не намѣренъ ни минушою позже обыкновеннаго обѣдать. Прощай. Сказавъ сіе, влѣзъ онъ въ свою раковину; а волшебница возвращалась въ свой замокъ.

Слова *Хаустовы* занимали ее во всю дорогу; оныя произвели въ ней мысль, понравившуюся ей не для чего иного, что была оная странная. По прибытіи въ замокъ опредѣленіе уже было готово; разумно, или глупо, но она какъ волшебница, рѣшилась оному послѣдовать. Она призвала *Остроила*,

и голосомъ, изображающимъ все ея могущество, объявила ему, что она принуждена удалиться отъ него на нѣсколько дней, чтобъ онъ ни о чемъ не беспокоился; потому что всѣ придворные ея будутъ стараться предвзирать всякія его желанія, и что онъ вскорѣ отъ нее получитъ извѣстіе. По симъ словамъ она исчезла.

Циклонда, оставивъ его, прибыла ко Двору Траншараранскому. Она нашла его въ великой перемѣнѣ: всѣ при ономъ находящіеся чувствовали скуку, печаль и уныніе. Время, опредѣленное законами для избранія Царя приближалось, и печаль постоянная *Доброгнѣвы* ежедневно умножалась. Помышление о учиненіи выбора, обязать клятвами, и опдаться на всю жизнь кому нибудь, кромѣ *Острогла*, составляло для нее несносное мученіе, представляющее всю жестокость свою, ожидаемую въ послѣдствіи; чувствованіе утѣхъ казалось навсегда оставившимъ ея сердце; и пучокъ цѣтмовъ, поднесенный ей *Острогламъ*, доставляя ей единственную отраду въ мученіяхъ, чуднымъ нѣкоторымъ разбѣяніемъ, производимымъ можетъ быть любовію, учинилъ ей всѣхъ придворныхъ ея несносными.

Помощію розъ, сего удивительнаго пучка, утѣшалась она часто, какъ только позволяло ея званіе имѣть свободныя минуты,

шы, дѣлалась невидимою. Тогда находилась сама съ собою, и бывъ освобождена отъ доукъ своихъ любовниковъ, безпрепятственно разсуждала о вѣрломномъ, о легкомысленномъ и весьма любовномъ Острокиѣ. Известное дѣло, что въ таковыя дни Дворъ представлялъ пустыню; одни послѣднѣе опшуда скакали на ужичу въ распутныя домики, и провождали ночь, утѣряя себя, что они повеселились и утѣшили въ утѣхахъ. Другіе разливались, какъ быстрый потокъ по домамъ въ городъ, и вымѣщая скуку, которой преданы были во Дворцѣ; они назначивали свиданія, чтобъ не попасть въ часъ, и спѣшили на другое, гдѣ появлялись самыми послѣдними. Нѣкоторые изъ нихъ разрывали знакомство; за тѣмъ, чтобъ показавъ нѣчто значущій видъ просидѣть запершись у себя въ домѣ. Были и такіе, но крайнѣ рѣдко, кои вдавались крайности посѣщать собственныхъ женъ свсихъ. Одни только госпожи старыя, благоразумныя, и оставленныя, пребывали во Дворцѣ, и для подражанія своей Царицѣ, приказывали своимъ придверникамъ не сказывать о себѣ, что они дома.

Доброгнѣва, бывъ въ одинъ день унывнѣе обыкновеннаго, обратилась къ своимъ цѣлшкамъ. Она пожелала уннниться невидимою; между тѣмъ цѣлшокъ померанцовой упалъ

упалъ къ ней на руку; нечувствительно положила она его въ рошѣ, и въ задумчивости разжевала.

Трудно изобразить тѣ разительныя черты просвѣщенія, кои въ то мгновеніе ока коснулись ея разума. Врожденный добрый вкусъ былъ основаніемъ склонности ея къ *Остроуму*. Похвальныя свойства, кои тогда усмотрѣла она въ немъ, помогли любви убѣдить ея душу. Вообще все, что ни составляло сего дражайшаго любовника, казалось ей всегда отвратительно; но недоставало еще справедливаго разума въ сравненіи всего того, что не касалось до любви ея. Вкусъ ея не раскрылся еще совершенно; она не ощущала еще истинной цѣны вещей. Цѣлѣтокъ померзцовой разлилъ сіе неоцѣненное познаніе вдругъ во внутренностяхъ души ея. Казалось ей тогда, что она нечаянно перенесена была ко Двору иностранному; взоры ея опирались отъ всѣхъ предметовъ: оныя казались имъ незнакомыми; и въ самомъ дѣлѣ оныя всегда представлялись ей споронами весьма одна отъ другой отличными. Но тогда всякіе роды ослѣпленія исчезли. Обычай, нравы, природа, добрая слава, показались глазамъ ея въ существенности; ничто не покрывало прямого ихъ состоянія. Человѣки оцѣнились строго по мѣрѣ достоинства ихъ и добродѣтелей.

Вку.

Вкусъ нравиться преслалъ казаться въ ея воображеніи невинностію, изобрѣщенію для придаванія новой цѣны дарамъ природы. Онъ показался ей порокомъ душевнымъ, питаемымъ глупымъ тщеславіемъ, и удобнымъ испорчить сердце, не возмोगая онаго удовольствоваться. По необходимому слѣдствію она не нашла уже въ женщинахъ Траншараранскихъ, кромѣ нелѣпости, вмѣсто разума, который развращеніе понуждало дѣйствовать подъ видомъ любви. Молодые господачки представились ей существами, только одну поверхность имѣющими, оживляемыми движеніемъ, уподобляющимся машинамъ, а не разумомъ. Забавныя сказочки и шуточки *Алмазовы* потеряли въ свои прелести: кромѣ несносной гордости ихъ прикрывающей, усмотрѣла она въ нихъ скучныя промежки, коихъ все достоинство состояло въ памяти худо прикрашенной и наносящей скуку.

Легко угадать, что бесполезной *Пустовякъ* былъ оцѣненъ въ настоящую свою мѣру. Достоинство его непосредственно поставлено пониже искусной женщины. Его разумъ, способный для изобрѣщенія модъ, показался подобнымъ меловой шуткѣ, которая не заслуживаетъ и того, чтобъ пересмѣяться; а его работа собирать и разносить новыя вѣщи должностію торговки,

уао-